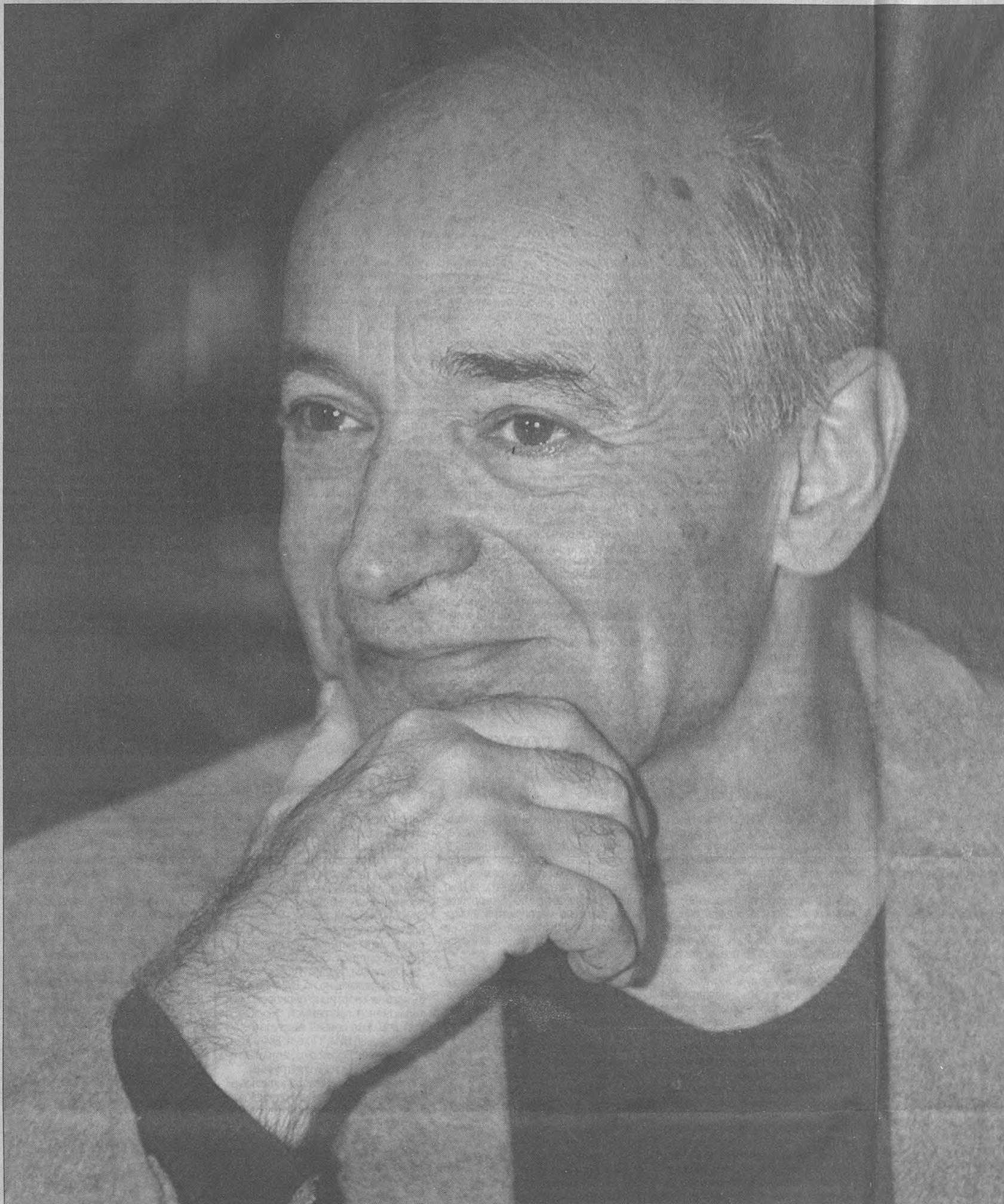

“Чужую жизнь играю как свою...”

Культура. — 2005.
1-7 сент. — с. 1

Валентину Гафту — 70

Он — только артист. И этим все сказано. Валентин Гафт странным образом избегал многочисленных соблазнов и искушений своих коллег — он не преподает, не ставит спектакли и не руководит театрами. Просто играет на сцене (причем уже 35 лет на одной, сцене Современника) и снимается в кино. Правда, одно его хобби не менее известно, чем сам артист, — остроумные и саркастичные эпиграммы. Но вряд ли Валентин Иосифович относится к этому слишком серьезно, к тому же постоянно сетует, что многие из “опусов”, гуляющих по Интернету, отнюдь не принадлежат его перу.

Впрочем, утверждать, что Гафт — “просто артист”, значит, заблуждаться. Нет, он-то как раз актер очень сложный, порой непредсказуемый, быть может, не всегда “удобный” в слишком прямолинейных кино- и театральных конструкциях. А такие, мы знаем, бывают, и нередко. Но Гафт всегда умудряется эту прямоту сломать, а над кажущейся простотой заставить ломать голову. Зрителей, а возможно, и режиссеров тоже.

Он — актер-зеркало. В том смысле, что зачастую весь спектакль воспринимаешь через его персонажа, в глазах которого, в мимике, в пластике, мгновенных реакциях отражается все, что происходит на сцене. Гафт — властный артист, он умеет заставить зрителя принять точку зрения его героя. Уж слишком она убедительна, даже если этот герой, мягко скажем, не вполне “положительный”. Нет, он их ни в коем случае не оправдывает, но все-таки пытается понять и объяснить поступки.

Сколько же он переиграл в своей жизни всяческих злодеев, подлецов и прочих нелицеприятных типов. О таких актерах принято говорить, что они обладают “отрицательным обаянием”. Да, отрицательным, но обаянием же, да еще таким магическим. В его персонажах есть и злость, и ехидство, и ерничество, и цинизм. Но порой в их глазах (а быть может, в глазах самого артиста?) можно уловить какое-то детское, наивное удивление, недоумение от несовершенства жизни, несправедливости мира. А потому и истинная сущность персонажей Гафта при всей кажущейся определенности неуловима, а значит, беспредельно интригующа.

Вот только явных дураков среди них никогда не было, потому что Гафт органически не способен изобразить человека неумного. Возможно, потому, что такие люди ему просто неинтересны. Да и сам он — человек, безусловно, мудрый. Ну а если “чужую жизнь играет как свою”, о чем признался в одном из собственных стихотворных экспромтов, то этой мудростью, конечно же, щедро делится с персонажами.

Его человеческая мудрость заключена еще и в том, что он достаточно спокойно относится к своим кино- и сценическим успехам. Снискав всенародную любовь и популярность, сам считает, что по-настоящему ему дороги всего лишь несколько работ. Называет среди них графа Альмавиву в спектакле “Безумный день, или Женитьба Фигаро” в Театре сатиры (именно Гафт был первым исполнителем этой роли в легендарном спектакле Валентина Глущака, уже потом его сменил Александр Ширвиндт), доктора Хиггинса в “Пигмалионе” Современника, Трусоцкого в “Вечном муже” Театра имени Моссовета. С удовольствием вспоминает работу с Эльдаром Рязановым в фильмах “Гараж”, “О бедном гусаре замолвите слово”, “Небеса обетованные”, “Забятая мелодия для флейты”. И, конечно же, в телефильме Анатолия Эфроса “Таня” и в телефильме Петра Фоменко “На всю оставшуюся жизнь”. А беспощадные ко всему критики, безусловно, добавляют к этому списку Гордничего в “Ревизоре” Валерия Фокина, Вершинина в “Трех сестрах” Галины Волчек и еще очень много его работ.

70-летний юбилей — повод для некоего подведения итогов, но уж во всяком случае не для творческой остановки. Хочется надеяться, что ее и не случится, ведь артист Валентин Гафт — не только “совесть театра”, как принято считать в Современнике, но и национальное актерское достояние России.

В. Гафт

Ирина АЛПАТОВА
Фото Сергея ИВАНОВА